

Б. Ряховский
Н. Терехова

Как Саушикин ходил за спичками

художник С. Феофанов

Жил-был Саушкин, знаменитый неудачник. Однажды мама сказала: «Сходи в магазин за спичками», — и вложила копейку в руку Саушкина.

2

Сашкин знал, что ничего хорошего его, неудачника, не ждало. «Дай мне ещё двушку, позвоню с дороги», — попросил он. «Лучше пиши письма!» И мама на всякий случай дала ему карандаш.

С копейкой в кошельке и карандашом Саушкин
брёл по улице мимо фургона «Плодовоощтранс». Шофёр возился под машиной. «Эй, парень!—
звал он.—Принеси мне из фургона порожний ящик!»

Саушкин полез в фургон. Но только он потянул к себе нижний ящик, гора ящиков засыпала его. «Пошевелившись, ещё хуже будет, я же неудачник», — думал Саушкин.

Шофёр подождал-подождал, видит — нет Саушкина. Окончил ремонт, закрыл дверцы фургона и поехал.

На берегу моря шофер разгрузил машину и обнаружил под ящиками Саушкина. «Горе ты луковое! — сказал он. — Пойди искупайся в море, покуда загружаюсь. Отвезу тебя домой».

«Я плавать не умею!»—сказал Саушкин. Шофёр на-
дул баллон, посадил на него Саушкина и оттолкнул
от берега.

Вдруг поднялся ветер и потащил Саушкина прочь.
Скрылись берега.

Из моря выплыла бутылка и стукнулась о баллон.
В бутылке было письмо: «Спешите на остров Тол-
стяков-Добряков. Спасайте, я остался один. Я боль-
ше не буду начальником аэропорта! Дядя Капа». 10

Саушкин написал карандашом на обратной стороне: «Мама! Спичек я ещё не купил. Меня уносит в открытое море». Положил записку в бутылку и пустил плыть.

Саушкин не заметил, как его притащило к какому-то острову. На берегу сидел человек. Он заталкивал очередное письмо в бутылку из-под лимонада с печатью «Аэрофлот». Это и был дядя Капа.

«Приветствую вас в аэропорту острова Толстяков-Добряков!»—и дядя Капа вытащил баллон Саушкина на берег. «Мне домой надо!—заныл Саушкин.—Меня мама послала в магазин за спичками...» [13]

Но дядя Капа уже тащил Саушкина в здание аэропорта. «Прошу сдать вещи в камеру хранения!»— дядя Капа принял у Саушкина на хранение баллон.¹⁴

«Прошу обратиться за справкой в справочное бюро!»—дядя Капа уже выглядывал из справочного киоска.

Дядя Капа проводил Саушкина в кафе, переоделся официантом, угощал. «Я спасён! — повторял он. — Теперь у меня есть друг! Если бы ты знал, какая жизнь совсем недавно была на нашем острове! 16

По вечерам духовой оркестр играл нашу любимую песню «Пора, пора садиться за столы», и все сходились на площадь пировать, угощали друг друга.¹⁷

Но как-то я увидел фильм о начальнике аэропорта. И с тех пор мне снилось, как на остров Толстяков-Добряков садится самолет и лётчик докладывает мне: «Прибыл в ваш аэропорт!»

Однажды на остров и в самом деле прилетел самолёт. Пилот спросил у меня: «Сколько пассажиров улетает!»—«Ни одного!»—ответил я. «Не будет пассажиров—закроем аэропорт, а вас уволим». Я заплакал.

Тогда духовой оркестр купил билеты и улетел. Постепенно улетели все жители острова. Я остался один. Теперь вся надежда на тебя, Саушкин». **20**

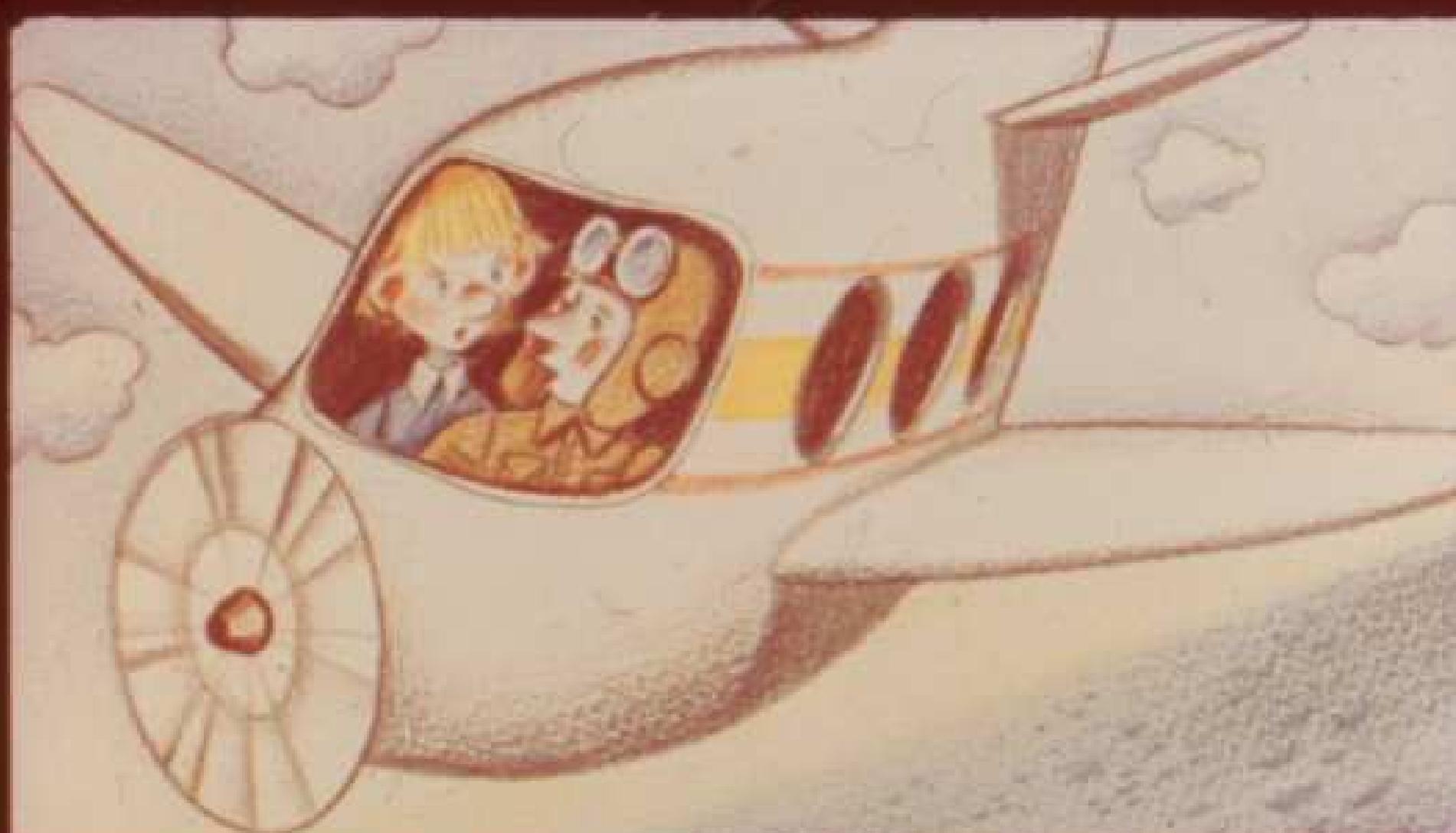
Послышался гул самолёта. Из кафе дядя Капа проводил Саушкина в зал ожидания, подвёл к трибуне и распорядился: «Говори речь! Говори: «Ваш аэропорт—самый лучший в мире...»—«А вы—самый лучший начальник аэропорта»,—покорно повторял за ним Саушкин.

Приземлился самолёт. Лётчик встретил их сердито: «Что, всего один пассажир! Если будете задерживать посадку, закроем ваш аэропорт!»

«Я ведь за спичками пошёл!»—шептал Саушкин.
«Твой единственный друг в беде, а ты—спички!—
запопил дядя Капа и подтолкнул Саушкина к само-
лёту.—Если я не посажу на этот рейс пассажира,
меня уволят!»

Саушкин летел над морем. «Отвезите меня домой! Меня мама ждёт!»—просил он лётчика. «Рад бы помочь, но маршрута изменить не могу. Высажу- ка я тебя на острове со снежными горами».

Самолёт сел в горной долине. Лётчик подал Саушкину баллон: «Здесь я высаживал и толстяков-добряков. Вместе что-нибудь придумаете».

Баллон вырвался из рук, покатился вниз. Саушкин— за ним. И вдруг он заметил что-то круглое, похожее на огромную кастрюлю. Это был дом. Стены сложены из корыт, тазов, сковородок.

Через дыру между корытом и тазом Саушкин прошел в дом и увидел толстяков. Они сбились в кучу, шептали друг другу: «Пришёл великан! Спасайтесь!» Саушкин сказал: «Я Саушкин, иду за спичками!» — но его не слышали.

Один толстяк закричал, увидев Саушкина: «Это не он!»—«Кто—кон»?—спросил Саушкин.

Толстяки-добряки молча указали ему на великанский след у входа в дом. Прошёл человек, но какой! Шаг километровый, ступни больше слоновых. «Теперь-то мне домой не вернуться, нет!»—заплакал Саушкин.

Надо было как-то утешить гостя. Толстяки-добряки
вынули из стен кастрюли, ящики с продуктами. За-
пели трубы, бухал барабан. Обедать сели с песней:
«Пора, пора садиться за столы!»

Вдруг могучий голос прокричал: «Вот-вот! За пирогом, за чаем мы не подкачаем! А гор боятесь...»

«Это великан! Спасайте меня!»—захныкал Саушкин. Толстяки-добраяки вынесли Саушкина из дома. Наверху Саушкин увидел палаточный городок и быстро полез по снежному склону. Авось альпинисты защитят, отправят домой, к маме.

Саушкин споткнулся. «Гляди под ноги-то!»—послышался тоненький голосок. Под ногами у Саушкина была гитара. На ней сидел маленький человечек, на груди у него висел мегафон. «Я на острове хозяин, Снежный человек»,—пропищал он.

«А почему голос у тебя такой тихий!» — не понял Саушкин. «Счас сделаем!» — Снежный человечек включил мегафон и оглушил Саушкина песней: «Лучше гор могут быть только горы...»

«А кто же великанские следы оставляет!»—не верил Саушкин. Человечек приподнял гитару и поволок её по снегу. Отдыхая, он опускал гитару на снег. Вот и получались огромные следы.

В кухне-столовой пахло кашей. «Угощайся! — Снежный человечек пододвинул Саушкину миску. — Подружишь меня с толстяками — по радио вызову самолёт. Отправим тебя домой».

«У меня не выйдет! Я Саушкин, знаменитый неудачник».—«Я подскажу, что делать. Сажай меня к себе в карман,—распорядился Снежный человечек,—иди к толстякам».

«Великан предлагает вам свою дружбу!—объявил Саушкин толстякам-добрякам.—Но с условием: мы должны забраться вон на ту гору. Тренируем ноги! Упражнение называется «пистолет». Начали!»—повторял Саушкин слова Снежного человечка.

«Учи толстяков вязать узлы! Учи ходить в связке по травянистому склону!»—шептал Снежный человечек. И толстяки-добраяки шли. Если один срывался в пропасть, другие его вытаскивали.

И ночью не было покоя от Снежного человечка. Он связал вместе шнурки ботинок у всех толстяков-добряков, а ботинки Саушкина прибил к полу.

По сигналу побудки толстяки сунули ноги в ботинки и тут же попадали. Упал и Саушкин. Снежный человечек выглянул из кармана и рассмеялся: «Альпинист без шуток не живёт!» Тут его и заметили.

Следующей ночью толстяки зашили карман, где спал человечек. Пришлось ему сдаться: «Ладно!— пропищал он.— Признаю вас своими товарищами». Появление человечка из кармана встретили громогласным: «Физкульт-физкульт-привет!»

...На острове приземлился самолёт. Дядя Кала бросился к друзьям. «Смотри, какое у нас снаряжение! Какие ледорубы!»—кричали ему добряки. Они так похудели, что толстяками их уже нельзя было назвать.

«Побыстрее производите посадку!» — торопит лётчик. Добряки подсаживают в самолёт дядю Капу: «Будешь у нас самым главным альпинистом!» Бредёт к самолёту и Саушкин. «Ну, бывай! Возьми вот на память», — и Снежный человечек протягивает ему коробок спичек.

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

© Студия „ДИАФИЛЬМ“ Госкино СССР, 1986 г.
103062, Москва, Старосадский пер., 7

Л-082-86
Цветной 0-30